

Г.Г. ЛИТАВРИН, Москва

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РАНИЕСЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ
В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема классовообразования и становления раннефеодальных государств Европы остается одной из наиболее актуальных в современной советской медиевистике. В отношении славян /как и многих других народов Европы/ аспект подхода к этой проблеме в существенной мере зависит от определения исходного пункта исследования: имел ли место в изучаемом регионе синтез социально-экономических и общественно-политических институтов разлагавшегося рабовладельческого строя поздней античности и учреждений родоплеменного "варварского" общества или такого синтеза в данном регионе не было.^{1/}

Несмотря на признание факта известного воздействия позднеантичного общества на развитие южной ветви восточных славян, советские историки в целом считают, что синтезные формы генезиса феодализма были не свойственны славянам Восточной Европы. Более заметными они были к юго-западу, в так наз. "контактной" зоне Подунавья, и сыграли существенную роль на значительной территории Балканского полуострова, у южных славян.^{2/} Аргументируя более последовательно и основательно, чем это делалось в 40-х - 50-х годах, тезис о невредности социальной структуры славянского общества в V-VI столетиях, советские историки тем не менее подчеркивают, что этот вывод не находится в противоречии с одновременно делаемыми заключениями о чрезвычайно сложном характере общественных отношений у славян в эпоху их перехода к классовому обществу.^{3/}

Эти отношения лишь недостаточно изучены, и их глубокое исследование составляет в настоящее время одну из первоочередных задач исторической науки. Без уяснения этого вопроса не

могут найти удовлетворительного объяснения грандиозные общественно-политические и этнические процессы эпохи "переселения народов" и, в частности, - вторжение славян на Балканы и их расселение на северо-западе, северо-востоке и востоке восточноевропейской равнины.^{4/}

По вполне понятным причинам проблема образования раннеславянских государств в советской историографии исследуется наиболее интенсивно на материалах истории восточного славянства. Именно здесь указанная проблема разрабатывается особенно многосторонне: работу одновременно и целенаправленно ведут и историки, и археологи, и лингвисты, и этнографы, и антропологи.

Поэтому ниже мы остановимся на некоторых выводах советских историков лишь применительно к проблеме становления Древнерусского государства.^{5/}

Серьезные усилия, ведущие к непрерывному пополнению фонда вещественных памятников восточного славянства, позволяют существенно уточнить и более детально воссоздать картину материальной жизни населения во второй половине первого тысячелетия н.э. на территориях, вошедших в пределы Древнерусского государства. Изучаются виды сельских поселений и их эволюция, история земледелия и сельскохозяйственной техники, характер деревенских промыслов и сельских ремесел, процесс отделения ремесла от сельского хозяйства и развитие торгового обмена, возникновение города и его социальная структура.

По-прежнему большой теоретический интерес проявляется в советской историографии к сложному вопросу о факторах, обусловивших выживание в недрах разлагающегося первобытнообщинного строя у восточных славян феодальных, а не рабовладельческих от-

ношений. В связи с этим не ослабевает внимание и к вопросу о степени зрелости социальной структуры восточнославянского общества в период становления единого Древнерусского государства, и к вопросу о характере и эволюции земледельческой и соседской общины у восточных славян в VIII-XII вв.

С проблемой классовобразования и формирования раннефеодального государства увязываются в настоящее время и такие проблемы, как проблема этнической консолидации древнерусской народности и проблема специфики самосознания и мировоззрения восточных славян в переходный период от докалассового к классовому обществу, от язычества к христианству.^{6/}

Специальные исследования, посвященные названным вопросам, периодически чередуются с синтетическими, комплексными работами, в которых предпринимаются попытки обобщения результатов конкретных изысканий и осмысления все более усложняющейся картины развития восточных славян на заре их государственной истории.

Наметилась также в данный период в советской историографии вполне определенная тенденция к пересмотру источниковедческой базы, представленной как археологическими, так и письменными источниками. Вещественные памятники в настоящее время сплошь и рядом подвергаются иной атрибуции и датировке, а письменные — более критическому рассмотрению и новой трактовке.

Успехи, достигнутые советской историографией в течение последних 10-15 лет в изучении интересующей нас проблемы, весьма существенны. Однако мы считаем более целесообразным в данном случае сделать акцент не на общепризнанных выводах, а на тех результатах новейших исследований, которые продолжают оставаться спорными.

Наиболее дискуссионным, как и ранее, является в данное время ранний этап гегемонии классового общества и становления государства, проблема периодизации этого процесса и определения того хронологического рубежа, к которому следует отнести господство зрелых форм феодальной эксплуатации, а следовательно - и формирование самого Древнерусского феодального государства. Прежде всего, существенные отличия сравнительно с 40-50-ми годами характерны ныне для представлений о времени появления на исторической арене самого предмета исследования - славян, как особой этнической общности.

Новые данные и более глубокое изучение вопроса заставили отказаться от ранее принятых заключений о моноэтничности ряда "археологических культур" первого тысячелетия до н.э. - первого пятисотлетия н.э. Некоторые из этих культур оказались полиэтническими: их характер, взаимодействие и генетические связи оказались гораздо более сложными, чем это представлялось ранее.^{7/} Хотя первые письменные свидетельства о славянах датируются рубежом 1 в. до н.э. и 1 в. н.э., атрибуция славянам материальных памятников этого времени весьма сомнительна.^{8/} Безусловно славянские памятники такого рода, открытые до настоящего времени, могут быть датированы временем не ранее V-VI вв.^{9/}

Дискуссионным ныне признается и старый вывод о том, что восточнославянское /антское/ общество VI-VII вв. находилось на последней стадии военной демократии, а социально-политическая структура их племени уже представляла собой раннегосударственную. Археология свидетельствует, что явные признаки глубокой имущественной дифференциации на территории, занимавшейся антами, могут быть отнесены лишь к IX-X столетиям.^{10/}

Многие археологи в данный период разделяют концепцию, со-

гласно которой восточные славяне в I в. н. э. находились не на последней, а на начальной стадии военной демократии. Сторонники этой концепции полагают, что развитие процесса классового разложения было здесь обусловлено не столько факторами разложения земледельческой общины, сколько подчинением общины органами формирующегося раннефеодального государства.^{11/}

Постепенный переход от родоплеменных отношений к раннефеодальным рассматривается при этом как "равноправная" альтернатива оформлению рабовладельческого способа производства, как "параллельный" тип созревания антагонистического общества.^{12/} Направление этого процесса по пути феодализации или развития рабовладения определялось конкретными особенностями материальной и общественной жизни восточных славян накануне и в период созревания государства.

Давние традиции пашенного земледелия в сочетании с умением изготавливать и использовать железные орудия /что было обусловлено широким распространением в Восточной Европе болотных железных руд^{13/} обеспечили возможность ведения индивидуального земледельческого хозяйства, т. е. сравнительно высокий уровень развития производительных сил, который, с одной стороны, ослабил зависимость общинника от общинного коллектива, а с другой - сделал невозможным сколько-нибудь широкое применение рабского труда в сельском хозяйстве.

Однако относительная самостоятельность индивидуального хозяйства общинника сочеталась в Восточной Европе со сравнительно прочными общинными связями. Они были обусловлены крайне медленным прогрессом в поступательном развитии производительных сил, чрезвычайно слабыми темпами прироста прибавочного продукта, нестабильностью урожаев в условиях суровой природы,

препятствовавших распространению итенских форм земледелия.

Все это определяло переход восточных славян от родоплеменного строя к раннефеодальному, а не к рабовладельческому, характерному для восточной деспотии или для государств античного мира.^{14/}

Упомянем в данной связи, что в современной советской историографии признается гораздо большее значение рабовладельческого уклада у восточных славян, чем десятилетие назад: этот уклад стал на Руси также одним из заметных факторов, ускорявших процесс феодализации. По наблюдениям акад. Л.В. Черепнина, чем выше был в каком-либо регионе уровень развития производительных сил, тем слабее в складывавшемся здесь раннефеодальном обществе проявлялась роль рабовладения, более мягкими были формы личной зависимости сравнительно с имущественной, менее заметной была этническая неустойчивость.^{15/}

Впрочем, при определении конкретной генеральной линии развития экономики восточнославянской деревни среди историков, придерживавшихся в целом сходных взглядов на только что изложенную проблему, имеются также известные разногласия.

По мнению одних, традиции пашенного земледелия на восточно-европейской равнине восходят чуть ли не к скифам-"земледельцам". И эти традиции оказали сильное влияние на общий ход эволюции земледелия у восточных славян /в том числе - и в лесной зоне/, который характеризуется постепенным и повсеместным переходом от подсечной системы к пашенной, плужной.^{16/} Подсечная система при этом рассматривается некоторыми исследователями как господствующая в лесной зоне до распространения пахотных орудий система земледелия, лишь изредка, на открытых пространствах, сочетавшаяся с перелогом.^{17/}

Согласно воззрениям других, г. иное земледелие не является системой, противоположной подсеке, ибо и подсека на Руси повднее сочеталась с плужным земледелием. Переход был возможен от подсеки к паровой системе. Однако и здесь - в мало изученной лесной зоне - было, по-видимому, гораздо больше разнообразия: сохранение подсеки сплошь и рядом свидетельствовало не об отсталости, а о рентабельности этой системы в то время в данных условиях. Такие крупные перемены в УП-Х вв. в ведении земледельческого хозяйства, как повсеместный переход от ручного труда к плужному на территории восточного славянства, убедительно обосновать данными археологии затруднительно. Проблема обусловленности радикальных общественных изменений прогрессом сельскохозяйственного производства нуждается в дальнейшей разработке и конкретизации.^{18/}

Как весьма гипотетический в настоящее время расценивается и другой, ранее признанный в советской исторической литературе вывод, согласно которому отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие товарных отношений и возникновение городов на Руси датировались УП-IX вв. В соответствии с новейшими исследованиями, о городе на Руси как об экономическом и социально-общественном институте можно уверенно говорить лишь применительно к X столетию.^{19/}

Недостаточно обоснованным считается в последнее время в советской историографии прежняя точка зрения, согласно которой поляне значительно опередили в своем экономическом и общественном развитии другие восточнославянские племена.^{20/} Все большее признание находит тезис о том, что места, занятые восточными славянами, носившими название полян, и территория, обозначаемая в русской летописи как "Русская земля", - понятия тожде-

ственные. 21/

Мало того: вряд ли оправданно для УШ-Х вв. вести речь о племенах в собственном смысле этого слова; племена, о которых сообщает русская летопись, представляли собой в действительности союзы племен, сложные этно-политические образования, еще не государственные в точном значении данного термина, но уже территориальные, спаянные отнюдь не одними кровнородственными и хозяйственными отношениями. 22/

Советские историки констатируют одновременность процессов становления не только города и государства, но также и самой древнерусской народности, являющейся этническим предком трех восточнославянских народов - русского, украинского и белорусского. Придерживавшиеся этого взгляда специалисты полагают, что восточные славяне выделались окончательно в особую ветвь славянства только к началу IX в., постепенно продвигаясь к востоку /в левобережье Днепра/ и к северо-востоку /в верховья Оки и Волги/ и поглощая часть славянских племен, пришедших сюда с запада /радимичи, вятичи/. Лишь к середине IX столетия восточнославянские племена слились в единое целое - в древнерусскую народность, достаточно четко отифференцированную от окружающей ее равноэтничной среды, стягиваемой в орбиту Древнерусского государства. Важнейшими среди факторов, обеспечивших формирование древнерусского этнического единства, были общий язык, территориальная общность, некоторая общность хозяйственной жизни, а затем, кроме того, также формирующаяся политическая и религиозная общность. 23/

Прослеживаемое совпадение стадий социально-экономического, политического и этнического развития в период становления раннефеодального государства представляется, по-видимому, общей закономерностью, заслуживающей всестороннего и глубокого ис-

следования. Изучение этой проблемы будет способствовать решению и такого важного вопроса, поднятого в советской /и не только в советской/ историографии, как вопрос о причинах, определивших в IX-X вв. на востоке Европы стойкую тенденцию к политической интеграции разных этносов в противовес той дезинтеграции, которая имела место в Западной Европе. Оформление древнерусской народности сопровождалось превращением ее в этнически компактное ядро сложного полиэтнического единства, разные части периферии которого находились на разных уровнях развития. Это вызвало различия в правовом статусе иных народов сравнительно со статусом господствующей древнерусской народности и стало также одним из факторов феодализации.^{24/} Политическая, как и этническая, структура Древнерусского государства была весьма сложной: есть основания полагать, что традиции периода "союза племен" и некоторые этнические особенности "племенных политических образований" продолжала сохраняться внутри Древнерусского государства еще в XI-XII вв.^{25/}

Таким образом, налицо в новейшей советской историографии отчетливая тенденция к уточнению выводов, которые были сделаны в 40-50-х годах и в известной мере преувеличивали степень зрелости древнерусского общества в IX-X вв., не говоря уже о более раннем периоде.

Подавляющее большинство историков считает бесспорной датировку возникновения древнерусской государственности серединой IX в. /упоминание летописи о новгородском и киевском княжеских центрах/. Однако о том, как должно квалифицировать Древнерусское государство: можно ли его назвать действительно раннефеодалом к середине IX /или даже в начале X столетия/, - единого мнения не достигнуто и в данное время.

Констатируя тот факт, что преобладающей формой эксплуатации в Древнерусском государстве IX-XI вв. были дань, виры, повинности и т.п., историки, склонные поддерживать традиционную точку зрения, считают их раннефеодальными, централизованными видами изъятия прибавочного продукта у непосредственных производителей и относят рубеж между догосударственным и государственным раннефеодальными периодами к концу VIII-началу IX в.^{26/} Другие исследователи исходят из положения, что длительному процессу становления государства предшествовал и сопутствовал столь же длительный процесс развития феодальных отношений: неурядице форм государственности в IX-X вв. соответствовали неурядице формы и классовых отношений. Хронологическую грань формирования Древнерусского государства эти исследователи готовы условно отнести лишь к концу X-началу XI в.^{27/}

В заключение - коротко об одной из старых проблем русской медиевистики, периодически трактуемой в советской историографии в связи с толкованиями этого вопроса в современной буржуазной исторической литературе. Мы имеем в виду так наз. "норманнский вопрос".

Хотя немало серьезных историков на Западе ныне отказалось от примитивной концепции скандинавского происхождения Древнерусского государства, время от времени эта концепция находит своих адептов и в наши дни. Советские исследователи на самом разнообразном материале показали ее полную несостоятельность. Археология не подтверждает ни идеи завоевания, ни тезиса о колонизации скандинавами территорий восточных славян. Норманнский элемент в топонимике даже северных районов Древнерусского государства ничтожен. Среди личных имен Новгородской летописи норманские имена занимает всего 2,4%, а среди имен древнейших

новгородских и псковских грамот - только 0,1%. Еще менее благоприятны для норманистов выводы антропологов.^{28/}

Древнерусское государство было результатом сложного внутреннего социально-экономического и общественного развития восточных славян. Княжеская власть и аппарат для сбора дани существовали на Руси до варягов /норманнов/. Русь была к моменту объединения в единое государство конфедерацией 14-ти княжеств. Привнесенные на Русь по соглашению со славянской элитой скандинавские воины составляли тонкий слой складывавшегося здесь господствующего класса. Они сыграли второстепенную роль в формировании и упрочении Древнерусского государства и полностью растворились в славянской среде едва через сто лет. Норманнское происхождение имела первая династия объединенного древнерусского государства, но не начало самой государственности на Руси. Противоположный взгляд не может быть обоснован и летописной статьей о "призвании варягов", позднее происхождение которой /начало XII в./ признается большинством исследователей русского летописания.^{29/}

Таковы вкратце некоторые новые выводы и наблюдения в современной советской историографии, касающиеся проблемы образования раннефеодального государства на Руси. Принимая во внимание широту и интенсивность ведущихся в настоящее время специальными самими разными профилями исследований этой проблемы, можно полагать, что в ближайшем будущем в этой области исторического знания будут достигнуты новые успехи. Будет этому содействовать, несомненно, и начатая советскими учеными работа по созданию комментированного корпуса письменных источников по истории народов СССР, начиная с древнейших времен.

Примечания

1. З.В. У д а х ъ ц о в а, Е.В. Г у т и о в а. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970 /XIII Международный конгресс исторических наук/; о н и х е. К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе. - "Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма". Кишинев, 1973, стр. 12-23.
2. В.Д. К о р о л ъ к. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян. - "Краткие сообщения Института славяноведения", № 39, 1968; е г о х е. Особенности становления феодализма и формирования раннефеодальных государств в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. - "Советское славяноведение", № 5, 1970; е г о х е. О так называемой "контактной" зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья. - "Юго-Восточная Европа в средние века". Кишинев, 1972, стр. 31-46.
3. В.В. В р о м л е й, В.Д. К о р о л ъ к. Славяне и волохи в великом переселении народов и феодализации Центральной и Юго-Восточной Европы /К вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов/. - Там же, стр. 24-33; Г.Г. Л и т а в р и к. Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия /от края на УП до края на XII в./. - "Исторически преглед", № 6, 1970, стр. 28 сл.; е г о х е. Славянските земи на Византийската империя в българската историография през последното десетилетие. - "Проблеми на българската историография". София, 1973, стр. 204 сл.
4. В.П. А л е к с е е в, В.В. В р о м л е й. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. - "Советская этнография", № 2, 1968; В.В. С е д о в. Из истории восточнославянского расселения. - "Краткие сообщения Института археологии", № 104, 1965.

5. См. также: Л.В. Ч е р е п и лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России - "История СССР", № 6, 1967; В.Т. П а ш у т о. Новое в изучении Древней Руси. - "Преподавание истории в школе", № 5, 1973; ср. Е. М и х а й л о в. Съветската историческа наука за образоването на древнеруската държава. - "Исторически преглед", № 3, 1970; F. H a v l í k. Geneze feudalismu v Kujevské Rusi ve světle sovětské historiografie. - "Slovenský přehled", № 2, 1974.
6. В.А. Р и б а к о в. Языческое мировоззрение русского средневековья. - "Вопросы истории", № 1, 1974.
7. В.П. Ф и л и н. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962.
8. П.Н. Т р е т ь я к о в. Некоторые итоги изучения восточнославянских древностей. - "Краткие сообщения Института истории материальной культуры", № 118, 1969; е г о ж е. У истоков древнерусской народности. М., 1971.
9. И.И. Л я п у ш к и н. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства /УШ-первая половина IX в./ . Историко-археологические очерки. Л., 1968, стр. 154-162; В.В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 128 сл; ср. В.В. М а в р о д и н. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, стр. 11; И.Я. Ф р о я н о в, А.Л. Ш а п и р о. Рецензия на указ. соч. В.В. Мавродина. - "Вопросы истории", № 7, 1972, стр. 161.
10. И.И. Л я п у ш к и н. Указ. соч., стр. 163.
11. И.И. Л я п у ш к и н. Днепровское лесостепное побережье в эпоху железа. - "Материалы и исследования по археологии СССР", № 62, 1958; Д.А. К и з и л о в. Предпосылки перехода восточного

- славянства к феодализму. - "Вопросы истории", № 3, 1969, стр. 97-99; В.В. М а в р о д и н. Указ. соч., стр. 31 сл.
12. Б.А. Р ы б а к о в. Спорные вопросы образования Киевской Руси. - "Вопросы истории", № 9, 1960; е г о ж е. Первые века русской истории. М., 1964; е г о ж е, в книге: "История СССР с древнейших времен до наших дней", т.1. М., 1966, стр. 476 сл.
13. Б.А. К о л ч и н. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953.
14. Ю.А. К и в и л о в. Указ. соч., стр. 93-100.
15. А.П. Н о в о с е л ь ц е в, В.Т. П а ш у т о, Л.В. Ч е - р е п н и н. Пути развития феодализма. Л., 1972. См. Р.Д. К о р о л ь к. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период /УП-Х1 вв./. - "Краткие сообщения Института славяноведения", № 33-34, 1961; е г о ж е. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы. - "Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянское окружение". М., 1972, стр. 20. Крайний взгляд на роль рабства как ведущей формы эксплуатации на начальном этапе классового развития на Руси выложен в работе: В.И. Г о р е м ь к и н а. К проблеме истории докапиталистических обществ. М., 1970. Ср. Я.Н. Щ а п о в. О социально-экономических укладах в Древней Руси XI-первой половины XII в. - "Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма". М., 1970; е г о ж е. Княжеские уставы в Древней Руси XI-XIV вв. М., 1972.
16. В.Й. Д о в ж е н о к. Землеробство древней Руси. Київ, 1961; Д.А. А в д у с и н. Материальная культура Древней Руси. - "Вопросы истории", № 7, 1972; В.В. М а в р о д и н. Указ.

соч., стр. 17 сл.

17. Д.А. К р а с н о в. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. - "Советская археология", № 1, 1967.

18. А.В. У с п е н с к а я, М.В. Ф е х н е р. Поселения Древней Руси. - "Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИИ", вып. 32, 1956; В.П. Л е в а ш о в а. Сельское хозяйство. - Там же; М.В. Ф е х н е р. Заключение /Деревня северо-западной и северо-восточной Руси X-XIII вв. по археологическим данным/. - "Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.", М., 1967, стр. 275-281.

19. Е.А. Ш м и д т. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска. - "Смоленск, к 1100-летию первого упоминания города в летописи". Смоленск, 1967, стр. 43-62; П.И. З е с у р ц ё в. Новгород, открытый археологами. М., 1967; Д.А. А в д у с и н. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. - "Смоленск...", стр. 256-257; В.Л. Я н и н, М.Х. А л е ш к о в с к и й. Происхождение Новгорода. - "История СССР", № 2, 1970; Д.А. А в д у с и н. История новгородских открытий. - "Вопросы истории", № 6, 1971, стр. 41-54; Г.Б. Ф е д о р о в. Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в XI-XII вв. /по археологическим данным/. - "Дуго-Восточная Европа...", стр. 42-52. Ср. М.Н. Т и х о м и р о в. Древнерусские города. М., 1956; М.К. К а р г е р. Древний Киев, т.1. М.-Л., 1958, т.2. М.-Л., 1962; В.И. Д о в ж е н о к. Сторожевые города на юге Руси. - "Славяне и Русь". М., 1968; П.А. Р а п п о п о р т. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. М.-Л., 1961; е г о ж е. Оборонительные сооружения Древней Руси. - "Вопросы истории", № 11, 1970;

- П.П. Т о л о ч к о. Новые археологические открытия в Киеве. - "Вопросы истории", № 4, 1973.
20. И.И. Л я п у ш к и н. Славяне..., стр. 172.
21. А.Н. Н а с о н о в. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
22. Б.А. Р ы б а к о в. Древняя Русь. М., 1963, стр. 5; А.П. Н о в о с е л ь ц е в, В.Т. П а ш у т о, Л.В. Ч е р е п н я, В.П. Ш у ш а р я н, Я.Н. Щ а п о в. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 83 сл.
23. Т.И. А л е к с е е в а. Антропологические материалы по этногенезу восточных славян. - "Советская археология", № 3, 1964; В.И. А л е к с е е в. Происхождение народов Восточной Европы /Краниологические исследования/. М., 1969, стр. 207-208; В.Д. К о р о л ь к. Раннефеодальная государственность и формирование собственности у восточных и западных славян /до середины XI в./. - "У Международного конгресса экономической истории". М., 1970. Ср. П.П. Т о л о ч к о. Экономическое и государственное развитие Руси в XII-XIII вв. - "Вопросы истории", № 2, 1974, стр. 52-53.
24. В.Т. П а ш у т о. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; е г о ж е. Эволюция политического строя Руси. - "L'Estrore au IXe-Xe siècles". Warszawa, 1969, p. 242-243; Н.Н. В о р о н и н, П.А. Р а п п о п о р т. Археологическое изучение древнерусского города. - "Краткие сообщения Института археологии", вып. 96, 1963, стр. 10 сл.; А.П. Н о в о с е л ь ц е в, В.Т. П а ш у т о, Л.В. Ч е р е п н я, В.П. Ш у ш а р я н, Я.Н. Щ а п о в. Указ. соч., стр. 73, 81, 89 сл.
25. В.Д. К о р о л ь к. Некоторые спорные и нерешенные вопросы ...; е г о ж е. Основные проблемы..., стр. 25.
26. В.А. Р ы б з к о в. Спорные вопросы...; е г о ж е. Начало

- русского государства. - "Вестник МГУ", № 4-5, 1955, стр. 65;
- З.М. Черныловский. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959; В.И. Довлякин. О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси. - "Исследования по истории славянских и балканских народов...". 27. А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин, В.П. Шущарин, Я.Н. Щапов. Указ. соч., стр. 92; А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. Пути..., стр. 145-146.
28. В.П. Шущарин. Современная буржуазная историография древней Руси. М., 1964; И.П. Шакольский. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.-Л., 1965; А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин, В.П. Шущарин, Я.Н. Щапов. Указ. соч., стр. 33-38; Т.И. Алексеева. Славяне и германцы в свете антропологических данных. - "Вопросы истории", № 3, 1974.
29. В.Т. Пашуто. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. - "Скандинавский сборник", XV. Таллин, 1970. В последнее время аргументируется мнение, что "варяги" летописи отнюдь не обязательно идентичны только скандинавам; этот собирательный термин с социальным оттенком, возникший в Прибалтике, обозначал людей, занятых преимущественно торговлей и имевших равное - в том числе и славянское - происхождение /так называемая "Поморская Русь"/.
- См. А.Г. Кузьмин. Две концепции начала Руси в Повести временных лет. - "История СССР", № 6, 1969; е г о ж е. "Варяги" и "Русь" на Балтийском море. - "Вопросы истории", № 10, 1970; е г о ж е. Рец. на ст.: Б. Михайлов. Советская историческая наука... - "Вопросы истории", № 2, 1971.